

Варвара Жданова

Диктатура правды

Гамлетовская тема в «Герое нашего времени»

М. Ю. Лермонтова и «Записках охотника» И.С. Тургенева.

*«Назначу себя уполномоченным пророка
и объявлю священную войну, джихад. Например,
Дании. Зачем датчане замучили своего принца
Гамлета? При современной политической
обстановке даже Лига наций удовлетворится
таким поводом к войне».*

И. Ильф, Е. Петров «Золотой теленок»

«Король

Это ответ без связи, Гамлет. Он ко мне не относится.

Гамлет

А ко мне и подавно».

Эмоциональными центрами пьесы, вероятно, являются: встреча Гамлета с тенью любимого отца, умершего великого короля; представление бродячих трагиков – сценический намек на преступление подлеца, занявшего трон; утверждение Гамлета, что нельзя забавляться его душой как флейтой; обличительный разговор Гамлета с матерью; тоска Офелии, собранные ею полевые цветы...

Вспомним пылкую красочность, чувственную осязательность, простоту и гибкость формальной структуры пьесы. Языковое богатство, метафоризм. Автор угадывает божественный огонь в душе человека.

Гамлет воспринимается как победитель, это – жизнестойкий характер. На основной, первичный, образ наложены иные черты. К ним отнесем провокационный скептицизм Гамлета, проявившийся сильнее всего в известном монологе «Быть или не быть».

Внимательному взгляду предстают комплексные надстройки фабулы. Так, рассматривая эпизод возвращения Гамлета, когда он в компании Горацио оказывается на кладбище, мы могли бы говорить о вариации «Фауста» (где Гамлет – это Мефистофель с его словесными ловушками, Горацио – доверчиво внимающий ему Фауст, Офелия – бедное создание, уже погибла, подобно Маргарите).

Однако, гетевский «Фауст», как известно, еще не был написан. Тогда, скажем о предвосхищении «Фауста».

«Король

Обдумаем же дальше,
Какие средства приведут нас к цели.
Когда мы плохо разыграем роли
И сквозь игру проглянет наша мысль,
Так лучше бы не начинать».

« - Его звали... Григорьем Александровичем Печориным. Славный был малый, смею вас уверить; только немножко странен».

Что сказать о Гамлете?

Он не такой как остальные, особенный. Взгляд сразу отличит его в толпе. В его натуре – высокое стремление к правде и красоте. Он несчастлив. Он – в состоянии поиска, иначе говоря, ему свойственны любознательность и детское любопытство. У него страсть к лицедейству. Он смотрит на женщину – как на ангела-хранителя.

Княгиня Вера пишет Печорину:

«Мы расстаемся навеки; однако ты можешь быть уверен, что я никогда не буду любить другого... В твоей природе есть что-то особенное, тебе одному

свойственное, что-то гордое и таинственное... Никто не может быть так истинно несчастлив, как ты...»

В предмете любви Печорина всегда можно различить Офелию.

Душа Печорина, по-гамлетовски, омрачена печалью.

«У меня на сердце был камень. Солнце казалось мне тускло, лучи его меня не грели».

Лоуренс Оливье, сделавший экранизацию 1948 года, играл очень советского Гамлета, героя-борца, победителя фашизма.

В фильме Козинцева, 1964 года, в первых кадрах - из высоких окон каменного замка в знак глубокого траура по смерти монарха выбрасывают черные знамена.

Фильм Козинцева - не только продуманный, но и правдиво прочувствованный. Фильм снимался в переломную эпоху: со второй половины 1950-х социо-культурная среда трансформируется год от года. Думается, что в эпизоде экранизации, может быть и бессознательно, отразилось восприятие смерти Сталина, как трагедии (автор фильма будто мысленно укоряет себя: он, подобно неверной Гертруде, скоро забыл аскетического вождя).

Новый Гамлет всегда является в переломное время, в обстановке бескомпромиссной борьбы со злом, именно - как герой современности, «герой нашего времени».

Вот нигилист Базаров, при напускном скептицизме по-гамлетовски нетерпим к проявлениям низости и подлости. Нравственный облик тургеневского Базарова преемственно связан с характером Гамлета (Базаров – как Гамлет, верный спутник Аркадий – Горацио).

Печорин – не знающий жалости покоритель сердец. Он ведет журнал с красочным перечислением роковых побед. Так невинно фантазируют и хвастаются, говоря об удачах на охоте. Поэтому дневник Печорина можно со снисходительной улыбкой назвать «Записками охотника».

«Я ехал на перекладных из Тифлиса». Обратим внимание на пушкинское звучание фразы, с которой начинается «Герой нашего времени».

Говоря о пушкинском влиянии, вспомним хрестоматийное соотнесение «Онегин – Печорин» («Онега – Печора»).

Романтические горы Кавказа, на фоне которых разворачивается действие – декорации, специально прорисованные, по аналогии к декорациям каменного средневековья в «Гамлете».

Король высылает Гамлета из страны. Гамлет – изгнанник. Печорин отправляется на Кавказ, как в добровольное изгнание.

Роман включает журнал, сочиненный от имени Печорина, и основное повествование от лица молодого русского путешественника (он, кажется, по делам на Кавказе). Если Печорин – Гамлет, то он – Горацио.

Путешественник едет на почтовой тройке среди гор.

«Весело было слышать... неровное побрякивание русского колокольчика».

Так метафорически обнаруживает себя важнейшая для автора - патриотическая тема.

В одном из рассказов «Записок охотника» встречаем смешное описание случая, произошедшего, или якобы произошедшего во время войны 1812 года.

Румяный толстый помещик, в волчьей шубе, в огромных санях видит замерзающего француза, солдата беспорядочно отступающей наполеоновской армии. Бывший бравый барабанщик, было, совсем простился с жизнью, но «вдруг, к неописанной радости» француза, «раздался звук колокольчика».

Помещик забирает заблудшего интервента, привозит его к себе в дом. Следующий отрывок звучит совсем как проза Пушкина, обнаруживает себя пародия на «Дубровского». Тургенев играет с характерами и «перелицует» сюжетные мотивы пушкинской повести.

«Дворня сбежалась. Француза наскоро отогрели, накормили и одели.

Помещик повел его к своим дочерям.

- Вот дети, - сказал он им, - учитель вам сыскан. Вы все приставали ко мне: выучи-де нас музыке и французскому диалекту: вот вам и француз, и на фортопьянах играет...»

«Гамлетовское», как система «кочующих» архетипов, обнаруживает себя в выдающихся произведениях русской литературы. Некоторые примеры.

В комедии «Горе от ума» (1824) с чрезвычайной ясностью различаем «гамлетовское» - намеренную со стороны драматурга тождественность характеров персонажей и отношений между ними. Софья – Чацкий – Фамусов. Офелия – Гамлет – Полоний.

Лаэрт, брат Офелии – тихоня, но честный малый. Молчалин, на которого благосклонно смотрит Софья, притворяется скромным, он – трус и подлец, с большими перспективами в наступившем подлом времени.

«Чацкий»

Ну вот и день прошел, и с ним

Все призраки, весь чад и дым

Надежд, которые мне душу наполняли».

Черты Гамлета и Офелии узнаются в пламенном Германне и робкой Лизе из «Пиковой дамы» (1832).

В «Заключении» к «Пиковой даме» читаем утешительное: «Лизавета Ивановна вышла замуж за очень любезного молодого человека, он где-то служит и имеет порядочное состояние».

Предпринята попытка выправить судьбу Офелии (она должна остаться умницей и в добром здравии).

Подобную попытку предпринимает позже Тургенев. Его Лиза Калитина, из «Дворянского гнезда», чертами характера преемственно связана с образами пушкинской Лизы и Офелии. Лиза Калитина в конце повести уходит в монастырь.

Чичиков из «Мертвых душ» Гоголя – пародийный Гамлет. Здесь встречаем пародийное воспроизведение архетипов.

Чичиков любит иногда говорить о своей несчастной судьбе, любит губернаторскую дочку, как Офелию, Манилов предан ему, как Горацио, Чичиков – почти изгнанник, он – Гамлет-хапуга.

Когда Чичиков выражает желание купить мертвые души, Манилов изумляется. Он обдумывает так и эдак фантастическую просьбу. Тут Чичиков мог бы заметить:

Гораций, много в мире есть того,
Что вашей философии не снилось.

Образы и темы классической литературы во множестве с ясностью запечатляются в талантливых романах И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», «Золотой теленок».

Остап Бендер во многом напоминает стяжателя Чичикова. С другой стороны, Бендер чем-то похож на Базарова. Образ Базарова, как бы, ловко «пригнан» по мерке авантюрного романа. Остап Бендер поражает скептицизмом и внутренним благородством. В его облике также есть черты трагического Гамлета.

«Я хочу, чтоб ты была счастлива; а если ты снова будешь грустить, то я умру», - говорит влюбленный Печорин пленной черкешенке.

Гамлет пишет Офелии:

Не верь дневному свету,
Не верь звезде ночей,
Не верь, что правда где-то,
Но верь любви моей.

Печорин счастлив с прекрасной дикаркой.

« - И продолжительно было их счастье? – спросил я.

- ...Да, они были счастливы!

- Как это скучно! – воскликнул я невольно. В самом деле, я ожидал трагической развязки, и вдруг так неожиданно обмануть мои надежды!..»

Волшебная сказка.

Печорин, повествуя о любви княжны Мэри, записывает про знакомого доктора-немца:

«Молодежь прозвала его Мефистофелем; он показывал, будто сердился на это прозвание, но в самом деле оно льстило его самолюбию. Мы друг друга скоро поняли и сделались приятелями... Из двух друзей всегда один раб другого...»

Здесь одновременно явлены системы архетипов гетевского «Фауста» и волшебной сказки. Печорин – Княжна Мэри – доктор-немец. Фауст – Маргарита – Мефистофель. Принц – принцесса – злодей.

В следующем отрывке гамлетовская тема появляется и развивается, как в музыке. Печорин мысленно «пробегаёт в памяти» свою жизнь. Будто пальцы пианиста быстро и легко летят по клавишам:

«Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?... А верно она существовала, и верно было мне назначение высокое, потому что чувствую в душе моей силы необъятные; но я не угадал этого назначенья, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден, как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений, лучший цвет жизни».

У Гамлета – страсть к театру и актерскому искусству. У Печорина – страсть к театрализации мыслей и поступков.

Гамлет ненавидит преступника, занявшего трон. Королевский двор, фальшивый высший свет стал ему отвратителен. Против кого бунтует Печорин? Силы бродят впустую, Печорин – ломака.

В «Записках охотника» найден объект любви – простые люди с правдивыми словами и чувствами.

Печорин записывает:

«... В сердцах простых чувство красоты и величия природы сильнее, живее во сто крат, чем в нас, восторженных рассказчиках на словах и на бумаге».

Печорин, сбросив маску, может перейти в тургеневское художественное пространство.

«Кстати, замечательная черта. Однажды начал он при мне излагать свои любимые парадоксы. Оспоривая его, я сказал: «Итак, вы рабство предпочитаете свободе». Карамзин вспыхнул и назвал меня своим клеветником. Я замолчал, уважая самый гнев прекрасной души».

Пушкин о Карамзине

Лицо - без маски, и маска - без лица. Маска, скрывающая настоящее лицо – это тема драмы «Маскарад».

Тему постоянно носимых масок интересно проследить в комедии «Горе от ума».

Фамусов склонен к патриархальному домашнему укладу, он – старый карьерист, патриот-служака, ограниченный мещанин и охотно выставляет эти черты напоказ. Но это – только маска. Он - куда более восприимчив и открыт, он – лучше, чем хочет показаться.

Молчалин обманом, под маской, вполз в дом Фамусова. Он – гораздо хуже, чем хочет казаться.

Софья – не совсем правдива, ей хочется выглядеть красиво.

И только у Чацкого – душа нараспашку.

В романе «Анна Каренина» Толстого заметим преломление характеров Гертруды и Клавдия в образах Анны и ее брата Степана Аркадьевича (Стивы) Облонского.

Царственность, властность, стремление притянуть к себе сердца – эти общие черты (пурпурный эмоциональный фон) позволяют говорить о преемственном соотношении образов Анны и Гертруды.

Для Степана Аркадьевича Облонского, как и для Клавдия, характерны самоуверенность и самолюбование, стремление к пышности, хитрость,

изворотливость. Впрочем, Стива Облонский – объемный характер, и не исчерпывается названным, но постоянно обращается в свою противоположность.

В одном из рассказов «Записок охотника» в описании завсегдаев трактира мелькнул «господин высокого роста, с правильным лицом и благороднейшей осанкой, по всем признакам шулер».

В другом рассказе предстает местный Клавдий – помещик, отставной генерал, нечто, весьма похожее на человека, желающее скрыть свою фальшивость. Он не решается занять должность на виду, быть уездным предводителем, скорее всего, потому что слишком много кругом подлинного, настоящего.

«Господа, - говорит он обыкновенно приступающим к нему дворянам, и говорит голосом, исполненным покровительства и самостоятельности, - много благодарен за честь, но я решился посвятить свой досуг уединению».

Автор вроде бы доброжелателен, но саркастически отстраняется.

«Хлопотун он и жила страшный, а хозяин плохой...»

«... До сих пор еще считается женихом, и даже выгодным женихом».

«Представьте себе человека высокого и когда-то стройного, теперь же несколько обрюзглого, но вовсе не дряхлого, даже не устарелого, человека в зрелом возрасте, в самой, как говорится, поре».

«...Выступает бойко, смеется звонко, позвякивает шпорами, крутит усы, наконец называет себя старым кавалеристом, между тем как известно, что настоящие старики сами никогда не называют себя стариками».

Фальшивка, фальшивка.

Величественно держась с небогатыми дворянами, он, посреди разговора «возьмет да озарит их ясным и неподвижным взором».

Заметим, может быть, и невольно со стороны автора, вышла сатира на императора Николая I, взгляд и характерные манеры которого, знакомые по портретам и описаниям, можно узнать в этой пародии.

« - Княжна, - сказал я: - вы знаете, что я над вами смеялся!.. Вы должны презирать меня.

На ее щеках показался болезненный румянец.

Я продолжал: - Следственно, вы меня любить не можете...

Она отвернулась, облокотилась на стол, закрыла глаза рукою, и мне показалось, что в них блеснули слезы.

- Боже мой, - произнесла она едва внятно. /.../

Она обернулась ко мне бледная как мрамор, только глаза ее чудесно сверкали.

- Я вас ненавижу... - сказала она.

Я поблагодарил, поклонился почтительно и вышел».

Это объяснение Печорина с княжной Мэри.

Автор раздумывает над отношениями Гамлета и Офелии (напускная насмешка Гамлета и трепет Офелии).

Вместе с тем, эпизод самоироничен. Будто автор призывает душу героя и третирует ее насмешкой.

Вдохнуть жизнь в классический образ, оживить мраморную статую. Автор пытается оживить Печорина, как своего Гамлета, современного героя.

Теперь наудачу откроем «Записки охотника»:

«Наш брат охотник может в одно прекрасное утро выехать из своего более или менее родового поместья с намереньем вернуться на другой же день вечером и понемногу, понемногу, не переставая стрелять по бекасам, достигнуть наконец благословенных берегов Печоры...»

Уезжает на охоту, как в добровольное изгнание. Где-то его усадьба?

Разговор с хозяйственным мужиком Хорем («Хорь и Калиныч»):

«А что, - спросил он меня в другой раз, - у тебя своя вотчина есть?» - «Есть». - «Далеко отсюда?» - «Верст сто». - «Что же ты, батюшка, живешь в своей вотчине?» - «Живу». - «А больше, чай, ружьем пробавляешься?» - «Признаться, да» . - «И хорошо, батюшка , делаешь; стреляй себе на здоровье тетеревов, да старосту меняй почаще».

Здесь роли Гамлета и Полония принадлежат, соответственно, охотнику и Хорю. Хорошо бы послушать Полония, поучиться у него, но у Гамлета – сословная гордость, а Полоний – скрытен.

У Хоря (как у Полония) – любимый сын, выслушивающий нравоучения: красивый парень, умница. Охотник смотрит на Федю, как Гамлет смотрел бы на Лаэрта.

Другой мужик – бедняк Калиныч, с его монашеской духовной красотой. Хорь очень любит его.

В художественно-метафорическом плане «Записок охотника», Калиныч – как бы душа Хоря, поглощенного бытовыми заботами.

Бедный и беспечный охотник Ермолай и, отчасти, Калиныч – так рассеяно странствующий сочинитель записок представляет самого себя, если бы он родился крепостным.

В экранизации Козинцева в одном из первых эпизодов придворные и гости нового короля, расходясь группами, приглушенно повторяют слова манифеста о венчании на царство:

Со смешанными чувствами печали

И радости, с улыбкой и в слезах.

И то же – на иностранных языках.

В рассказе «Гамлет Щигровского уезда» можно выявить гамлетовскую структуру сценического движения (хозяин приветствует гостей и встречает важного сановника, течение толпы в гостиной и столовой...).

В рассказе «Гамлет Щигровского уезда» духовно искалеченный уездный Гамлет, смешной клоун-грамотей, с ироническим перемигиванием (точь в точь – стиль Достоевского), повествует о своих несчастьях.

В эпизоде рассказа «Петр Каратаев» подвыпивший герой вдруг вспоминает о восхитившем его актерском исполнении роли Гамлета и довольно бессвязно цитирует отрывки из пьесы.

Нужно сказать, что хотя в этих рассказах гамлетовская тема заявлена, идейно-образное, истинно художественное развитие гамлетовская тема получает в других рассказах, рассредоточиваясь в них.

Но вот вопрос: он - действительно, охотник, стреляющий дичь? Или этот чудак только притворяется охотником (как любил лицедействовать Гамлет), и таскает ружье, чтобы выглядеть более мужественно?

Поэт, любящий людей и природу, притворившийся охотником, странствующий с собакой – своеобразная антитеза по отношению к гетевскому Мефистофелю – с черным пуделем, прихватывающим на пути человеческие души.

Охотник будто договорился сам с собой, что будет играть роль Гамлета, если не увидит лучшего претендента на роль. Тогда охотник станет верным Горацио этого настоящего Гамлета.

«Вглядываясь в Радилова, я никак не мог себе представить его счастливым, ни теперь, ни когда-нибудь. Красавцем он тоже не был, но в его взоре, в улыбке, во всем его существе таилось что-то чрезвычайно привлекательное, именно таилось. Так, кажется, и хотелось бы узнать его получше, полюбить его».

Сравним, так набросаны характерные черты Печорина в письме княгини Веры.

Возлюбленная или друг мысленно, с нежностью, перебирают черты несчастного принца Гамлета.

«Мой сосед Радилов» - название рассказа звучит ироническим парадоксом, вроде: «Мой сосед Гамлет». Некто, кем издали восхищался: прежде далекий, а теперь – близкий, душа, которую любишь.

«Прекрасное дерево – такая старая липа... Лист на ней мелкий, могучие сучья широко раскинулись во все стороны, вечная тень под ними».

Заброшенный сад, старый помещичий домик: как горы Кавказа в «Герое нашего времени», - это чудные декорации, на фоне которых может явиться Гамлет нового времени.

Если Радилов – это Гамлет, его свояченица Ольга – гордая, своенравная девушка, в которую он влюблен, - это Офелия.

В другом рассказе («Гатьяна Борисовна и ее племянник») упоминается еще молодой человек, студент, которого подцепила восторженная ученая девица, затеяла с ним переписку на возвышенные темы (пародия «Гамлет – Офелия»). Бедный «Гамлет» озлобился на лже-Офелию до того, что «долгое время чуть не кусался при малейшем намеке на возвышенную и бескорыстную любовь».

И еще в одном рассказе («Однодворец Овсянников») упоминается судьба уездного Гамлета. Некий молодой барин решил сродниться со своими крестьянами, оделся, как они, попытался заговорить, как они, попросил спеть ему народные песни. И только испугал их. Он – чужой.

«... И лицо такое мудреное, - пьян, не пьян, а и не в своем уме». «... Словно красная девушка: все книги читает али пишет... ни с кем не разговаривает, дичится, знай себе по саду гуляет, словно скучает или грустит». «В собственной вотчине живет, словно чужой».

Изба-контора поставлена в деревне для совершения торговых сделок (рассказы «Хорь и Калиныч», «Контора»). Запустение в хозяйстве, плутни управляющего, старосты и дворни, барин не в силах войти в курс дела. Автор «Записок» склонен к социальному обличению.

Одновременно, вкрадывается мотив волшебной сказки: странная таинственная контора, как бы, повисает между этим светом и загробным царством, стоит на перепутье.

В произведениях Булгакова, с его ироническим мистицизмом, встречаем похожие «пограничные» здания. Это, например – Александровская гимназия в «Белой гвардии», клиника Стравинского в «Мастере и Маргарите».

Автор «Записок охотника» ощущает разомкнутость социального мироустройства на две враждебные среды: дворянский мир (едва ли - не преступное легкомыслие, прожигание жизни), мир крестьянский (предельное обнищание может привести к озлоблению и бунту). Так, на долготерпении держится этот уклад.

Порвалась дней связующая нить.

Как мне обрывки их соединить!

Говорил Гамлет.

И вот охотник, наблюдая разных людей, останавливаясь то в крестьянских избах, то гостя у помещиков, мечтает остановить взаимное нарастающее непонимание и презрение, предупредить надвигающуюся социальную катастрофу.

В рассказе «Бурмистр» ловкий, увертливый и угодливый мужик Софрон, которого барин назначил «бурмистром» села, бессовестно помыкает односельчанами, наживается на их горе. Бурмистр угождает барину, но не Богу.

Незримо и страшно пропасть разверзается под ногами. С ужасом заглядывает в нее автор – сторонний наблюдатель, гость, Гамлет.

Патриархально-сказочное в рассказе: старый усердный крестьянин не может выбиться из бедности, бурмистр сдает его сына в солдаты. Крестьянин с сыном пришли просить заступничества у барина. Барина называют «государь».

Бурмистр Софрон – обманщик, он рад скрыть правду, а барин – обманутый, но рад не видеть правды.

Барин –ценитель заграничного лоска, аристократических манер – нравственно слеп, его добродетель – ложная (в противоположность истинной добродетели старого крестьянина).

Автор, как бы, говорит: если такой Софрон – ваш верный распорядительный Полоний, то сами вы, подобно Клавдию, лже-королю – царствующий преступник.

Автор «Записок охотника» бесконечно восхищается теплой душой народа. В описании одного лица увидим шарж автора на самого себя, каким бы он стал к старости, когда бы родился крепостным:

«Должность камердинера, дворецкого и буфетчика занимает семидесятилетний слуга Поликарп, чудаковатый, необыкновенный, человек начитанный... страстный охотник до соловьев. Он их всегда держит пять или шесть у себя в комнате; ранней весной по целым дням сидит возле клеток, выжидая первого «рокотанья», и, дождавшись, закрывает лицо руками и застонет: «Ох, жалко, жалко!» - и в три ручья зарыдает».

Смешно, что и собака может быть Гамлетом.

«... Если б речь шла не о собаке, я бы употребил слово: разочарованность. Он обыкновенно сидел, подвернув под себя свой куцый хвост... и никогда не улыбался. (Известно, что собаки имеют способность улыбаться, и даже очень мило улыбаться.)».

Персонаж, соотносимый с образом Полония. Усердный дворецкий, он весь принадлежит ушедшей прославленной обаятельной эпохе:

«Это был человек лет семидесяти, с лицом правильным и приятным. Улыбался он почти постоянно, как улыбаются теперь одни люди екатерининского времени: добродушно и величаво...»

Или (вновь вспоминается Полоний):

«Он меня принял, по своему обыкновению, ласково и величаво. Мы пустились в разговор».

Его завет, мудрый, подобно наставлениям Полония сыну Лаэрту:

«Нет, скажу вам: чем мельче звание, тем строже себя держи, а то как раз себя замараешь».

Некий прославленный герой минувшего времени, во всем величии явившийся в яркой мемуарной зарисовке от лица слуги. Отметим подобие образу отца Гамлета – смелого и любимого монарха.

«Такой осанки, такого приветствия милостивого вообразить невозможно и рассказать нельзя. Рост один чего стоил, сила, взгляд! Пока не знаешь его, не

войдешь к нему – боишься точно, робеешь; а войдешь – словно солнышко тебя пригреет, и весь повеселеешь. /.../

А рассердится – словно гром прогремит. Страху много, а плакаться не на что: смотришь – уж и улыбается».

Мирное и кроткое развлечение, как у сказочного великого короля:

«Голубей-турманов держал первейшего сорта. Выйдет, бывало, на двор, сядет в кресла и прикажет голубков поднять; а кругом, на крышах люди стоят с ружьями против ястребов. К ногам графа большой серебряный таз поставят с водой, он и смотрит в воду на голубков».

«...Теперь явственно, хотя еще издалека, доносился до слуха моего стук тележных колес, людской посвист, бряцанье бубенчиков и даже топот конских ног; даже пенье и смех слышались мне».

В одном из рассказов охотник летней ночью едет с глупым возницей на тройке крестьянских лошадей мимо безлюдных лугов и леса. Шумная телега нагоняет и не дает двинуться дальше.

Верно, так весело и шумно ехали актеры из «Гамлета».

Но неожиданные попутчики – призрак кровавой преступной вольницы. Их главарь – великан в полушубке. Он – как Пугачев из пушкинской «Капитанской дочки».

Гамлету является тень любимого отца-монарха. Охотник видит перед собой зловещую тень разбойничьего царя.

Встреча кончается благополучно. Телега отъезжает с миром. Но тема угрожающего бунта прозвучала.

Постепенное вращение в деревенский быт, покой, семейственность – все под угрозой.

Как известно, в рассказе «Бежин луг» мастерски набросаны картины природы.

«Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями. /.../

К вечеру эти облака исчезают; последние из них, черноватые и неопределенные, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; на месте, где оно закатилось так же спокойно, как спокойно вошло на небо, алое сияние стоит недолгое время над потемневшей землей, и, тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплится на нем вечерняя звезда».

Здесь закат солнца – еще и метафора незажившей раны в душе. Памятен трагический возглас: «Солнце русской поэзии закатилось!».

Охотник бродил с собакой, потерял знакомую лесную тропу, сумерки сгустились, упала ночь, и он блуждает в бездонной тьме, как герой дантовской «Божественной комедии» - по черному аду.

Черно и пусто вокруг, но, все-таки, нужно верить.

«Я ... уже несколько не стараясь узнавать окрестные места, почти совсем потонувшие во мгле, пошел себе прямо, по звездам – наудалую... Казалось, отроду не бывал я в таких пустых местах: нигде не мигал огонек...»

И вот – крестьянские мальчики у огня ночного костра – образ надежды. Они рассказывают разные истории. Это – художественное творчество, в котором живет их душа («душа в заветной лире»).

В одном из рассказов, в описании летнего утра:

«...Все кругом блестело сильным двойным блеском: блеском молодых солнечных лучей и вчерашнего ливня».

Сказано будто о реминисцировании, удваивающем художественное воздействие.

Словесные пейзажи в последнем рассказе «Лес и степь» также замечательны свежим и смелым колоритом:

«А между тем заря разгорается; вот уже золотые полосы протянулись по небу...».

Окончание «Записок охотника» - словно на взлете, различима интонация надежды:

«Кстати – заговорил я о весне: весной легко расставаться, весной и счастливых тянет вдаль... Прощайте, читатель; желаю вам постоянного благополучия».

В рассказе «Свидание» читаем о встрече героини с ветреным возлюбленным перед разлукой навсегда. Героиня – крестьянская девушка, в роще возле деревни в последний раз встречается с молодым избалованным камердинером богатого барина.

Близятся осенние холода, барин и слуга покидают деревню.

Гамлет поражал Офелию изменчивостью настроений: порой становился тих и покорен, порой – резок и зол, но, конечно, не был надменным соблазнителем (как опасался Полоний).

Лакей-соблазнитель, свысока третирующий бедняжку – пародия по отношению к Гамлету. «Старался придать своим грубоватым чертам выражение презрительное и скучающее», «ломался нестерпимо». А крестьянка – кроткая и грустная, как Офелия. Она – подлинная, а он – пустышка, только притворяется кем-то, чтобы урвать свое.

В дополнение к гамлетовской теме в рассказе внимательному взгляду открывается образная система «Фауста». Нежная Маргарита – еще один, очевидный, прообраз тургеневской крестьянки.

Камердинер сказал о барине «тот»:

«Дела пропасть: за всем не усмотришь, а тот еще бранится».

«Тот», «другой» - так иногда скажут о сатане, не желая называть его впрямую.

Таким образом, роли Фауста и Мефистофеля отводятся соответственно камердинеру и барину.

Но известно, что по договору Мефистофель прислуживает Фаусту, а не наоборот.

Отметим очень важную мысль (или только ощущение) Тургенева. Фауст наивно думает, что Мефистофель прислуживает ему, туповато и послушно исполняет приказания. На самом деле, Мефистофель так забрал Фауста в руки, так умело манипулирует его помыслами, что Фауст едва ли в состоянии сделать что-то, не угодное «хозяину».

В тоске после смерти отца и расставания с Гамлетом, его отъезда, Офелия перебирает собранный ею букет.

Совсем как Офелия, тургеневская крестьянка набрала полевых цветов.

«Вот поглядите-ка, какой чудный цветик; такого чудного цветика я еще отродясь не видала. Вот незабудки...»

В стихотворении Державина «Незабудка»:

Милый незабудка цветик!

Видишь, друг мой, я стена

Еду от тебя, мой светик, -

Не забудь меня.

«Засыпь хоть всей землею

Деянья темные, их тайный след

Поздней иль раньше выступит на свет», -

Обмолвился Гамлет.

«Гамлет» - само слово, как знак, начертанный на камне властной рукой. Знак запрета, пресекающий расспросы.

Есть известный женский портрет кисти Боровиковского (М.И. Лопухина, 1797).

Серебристо-жемчужная дымка. Совсем молодая девушка грациозно плавным движением облокотилась на руку и еле заметно улыбается полными губами. У нее – нежная кожа, пепельные кудри. Голубой пояс на платье. Она – как нимфа, или – русалка. Она держится величаво, а вчера еще была угловатым подростком.

Художник изображает модель с радостным юмором: «Вот какая выросла!».

Соотнося образы Офелии из «Гамлета», Софьи из «Горя от ума» с изображенной на этом портрете, ощутим сходные, родственные черты. Как затвержено со школьной скамьи, как однозначно определяют учебники и антологии, названные произведения созданы в разное время. Тем поразительней совпадение черт чудесной женственности.

Ироническое отступление. Предположим, что можно ретушировать портрет следующим образом.

Стремясь к изобразительному аскетизму, представить черно-белый вариант. Приглушить сложную эмоциональность автора и модели. Свести интонацию автора-портретиста к холодному наблюдению. Упростить характер модели, выявить главенствующую характерную черту (скромная грация).

И вот – перед нами Офелия из фильма Козинцева.

Борис Пастернак, чей перевод, в частности, использован в фильме Козинцева, очевидно, самый талантливый переводчик «Гамлета», силой своего поэтического дара объединяет слишком разноплановый художественно-образный строй пьесы. Чтобы все свести воедино, он, как будто, прибегает к черно-белой изобразительной гамме, увеличивает резкость изображения, укорачивает эмоциональность, более четко фокусирует характеры.

Отлично переведенная пьеса, превознесенная и погребенная под спудом похвал гению Шекспира, остается при своей тайне. И, казалось бы, сегодня уже не открыть секрета.

«Гамлет

Гораций! Верить ли своим глазам?

Горацио

Он самый, принц, ваш верный раб до гроба.

Гамлет

Какой же раб! Мы попросту друзья».

Противопоставление высокого служения и подлого прислуживанья – лейтмотив в пьесах «Гамлет» и «Король лир». Тему воспринимает и развивает автор «Горя от ума». В раздумьях о служении и прислуживании пребывают дерзкий Печорин – «герой нашего времени» - и разочарованный охотник – сочинитель «Записок».

Обличение самоуверенной и преступной подлости в трагедии «Король Лир»:
«Низкий, надутый дурак и прощелыга, вот ты кто... С душонкой доносчика, с помадой и зеркальцем в сундучке, твоим единственным богатством. Гнусный льстец, который готов на любую пакость, чтобы отличиться, но всю жизнь остается обыкновенной гадиной чистой воды. Подхалим, которого я избью до бесчувствия, если он осмелится отречься хотя бы от одного из этих определений. /.../

Хотя еще ночь, но светит месяц. Я приготовлю из тебя рубленое мясо под лунною подливкой. Берись за меч, папильотка из парикмахерской, берись!»

Примечание. Статья вошла в сборник В. Ждановой «Кукольный дом», опубликованный LAP Lambert Academic Publishing.